

Тезис 13. Уроки на долгосрочный период: что означает «поворот к себе»?

...вечность сжимается в миг.

Новое время стоит у дверей

К. Кинчев

Почему сейчас? Зачем далеко смотреть? – и так каждый месяц приносит кардинальные изменения... вот устоится все, тогда...

Вопросы понятные. Законные. А вот установка – неверная. Не устоится. Прямо сейчас меняются и структуры мировых рынков, и базовые правила работы на них.

Сумма изменений в сфере технологий – всепроникающий искусственный интеллект и роботизация, наметившаяся «биотехнологическая революция», в энергетике, в социальных отношениях создают и новые риски, и новые возможности. Некоторые игроки смогут этим воспользоваться и «взлететь», создав новые центры силы. Кто-то – не сможет и начнет необратимо проседать. И в этом, полном новизны и конфликтов мире, России чтобы выжить – надо развиваться. Строить себя.

«Не стратегируем мы – стратегируют нас». Только так. Впрочем – и всегда так.

Более конкретно. Условия развития российской экономики, сформировавшиеся в последние годы (ограничения в торговом, инвестиционном и технологическом сотрудничестве, дисконты по экспорту, ограниченный круг стран – надежных партнеров, высокая внеэкономическая нагрузка и т.д.), вряд ли качественно изменятся в ближайшие десять-пятнадцать лет, хотя адаптация к новым условиям идёт, и довольно успешно.

Проблема, однако, в том, что есть существенный риск, что эти условия могут начать ухудшаться – пусть и не очень быстро, но неуклонно¹ (см. ниже).

Разумеется, и сам жанр кратких тезисов, и ситуация «длящейся неопределённости» не дают возможности для сколько-нибудь развернутого описания возможного будущего. Но некоторые самые общие вехи задать, видимо, можно и уже нужно. Не претендуя, конечно, хоть на какую-то полноту.

1. Новые ограничения развития

Если даже оставить в стороне риски, непосредственно связанные с СВО и «санкционными войнами», ряд ограничений нашего развития будут только усиливаться. А раз ограничения усиливаются – то и изменения в структуре и воспроизводстве экономики неизбежны.

К числу таких новых ограничений можно отнести.

Первое. Уровень геополитического противостояния останется высоким, подталкиваемый исчерпанием старых экономических преимуществ и возрастанием напряженности между старыми и новыми «центрами силы».

Началось все это еще во время кризиса 2008-2010 гг., и процесс лишь нарастает.

Исчерпала себя система «тройного баланса», обеспечившего поступательную, моноцентрическую (по крайней мере, в логике И. Валлерстайна) глобализацию 1990-2000х годов:

- наука (частично ОКР) – в США, производство – в АТР
- производство и сбережения (покупка долга) – в АТР, потребление и наращивание долга – в США
- часть китайских сбережений трансформируется в «качественные» американские и европейские инвестиции обратно в Китай

Результатами этого исчерпания стал ряд решений, синхронно принятых в США и Китае:

В США – реиндустриальный проект («новый хайтек» + часть машиностроения, химии, металлургия; самообеспечение по энергоресурсам за счет энергоресурсов Канады, сланцевых углеводородов, возобновляемых источников энергии и, в перспективе, термоядерной энергетики).

¹ Проблемы, связанные с военно-политическим противостоянием с недружественной России коалицией здесь вынесены, естественно, за скобки анализа

В Китае – «высокая индустриализация» с созданием собственной национальной инновационной системы полного цикла (от прикладной и фундаментальной науки до высоко- и среднетехнологического производства) плюс постарение населения, потребовавшее перехода к «обществу среднего достатка» и т.н. «экономике двойной циркуляции», в значительной мере ориентированной на внутренний рынок;

В то же время, разрушение глобального финансового баланса привело к «финансовому самообеспечению»: наращиванию долгов во всех основных развитых странах (Китай: долг более 300% ВВП и сосредоточен в плохо контролируемых региональных банках; американские проблемы с госдолгом всем известны), росту пузырей на новых технологических рынках.

Ставший реальным американо-китайский торговый конфликт резко усилил глобальные риски.

Отсюда, уровень конкуренции в мире будет только расти. Есть риск, что Китай (и новые, восходящие индустриальные страны Востока) будет занимать «наши» позиции на рынках – причем, просто «в силу вещей», совершенно независимых от политических отношений наших стран.

Для России работать в режиме сырьевой / «сборочной периферии» не получится, а вот в режиме разделения компетенций с новыми индустриальными странами – вполне.

Следует ожидать возникновения центра развития на Среднем Востоке (Турция, Иран, Пакистан – уже, Египет, Алжир, ОАЭ, возможно, КСА – на подходе). Это связано с действием следующих факторов:

Демографический переход. В странах Востока – «второй демографический переход»: рождаемость ещё высокая, но снижается, смертность уже низкая (есть инвестиционный потенциал и рабочая сила), урбанизация. Впереди – стабилизация населения и рост спроса на «городской» тип жизни. Отсюда – спрос на трудосберегающие (возможно, капиталоемкие) технологии, энергетические и экологические технологии.

Геополитика. Страны Востока оказались «выключены» из глобального распределения «геополитических призов» в индустриальную эпоху 1870-2020 гг.² При

² Начало периода маркируется франко-прусской войной 1870 г. – первой войной индустриальной эпохи, давшей странам-лидерам абсолютное превосходство (помимо собственно технологического, здесь работало и превосходство в организации, и в качестве человеческих ресурсов) над отставшими. Конец – противостоянием классической страны Ирана с американо-арабской коалицией в Йемене (с 2015 г.) и в ходе американо-иранского противостояния («острая фаза» - с 2019 г.). Впервые классическая страна Востока, развивавшаяся при этом «с опорой на собственные силы» оказалась способной на равных противостоять индустриальным лидерам.

слабеющих «старых гегемонах» для новых игроков возникает пространство экспансии, требующее соответствующего силового обеспечения. Отсюда – необходимость силового обеспечения активной геополитики этих стран, спрос на технологии ИИ, военные, энергетические, финансовые.

Культурные основания. В исламских странах (во всяком случае, в странах шиитского Ислама) очень высокий статус приобретет «познание Творца через Творение». Это может воспроизвести ситуацию европейского начала Нового Времени (ср. «Наука – любимое дитя Церкви»).

Второе. В мире в основе конкурентной борьбы (и силового противостояния) существующих и только формирующихся «центров силы» – бурное технологическое развитие.

Прежде всего, речь идет о «технологической перестройке» развитых стран (теперь – и Китая), основанной на новейших цифровых решениях, в том числе их приложениях к производству и транспорту – робототехнике и дронам, а также решениях в сфере энергетики, материаловедения, биомедицины. Существенно важно, что процесс намного шире, чем «всего лишь» формирование качественно новых высокотехнологичных секторов экономики. Одновременно – и это для нашей страны даже еще более важно – происходит комплексная модернизация традиционных, среднетехнологических производств, «облагораживание» как производственных процессов (кастомизация/индивидуализация продукции, оптимизация логистических процессов на базе «больших данных»), так и пользовательских товаров и услуг (кибер-ассистенты водителя / помощники врачей и т.д.).

Отражение этого процесса – диффузия высоких технологий предыдущего технологического уклада в развивающиеся страны с дешевыми факторами производства (прежде всего, трудовыми).

Эти два процесса означают резкое ухудшение условий конкуренции для российской продукции. С одной стороны – через формирование новых стандартов, как формальных, так и де-факто на сколько-нибудь развитых рынках («интернет всего», «интеллектуализация всего» и т.д.). С другой стороны – из-за усиления ценовой конкуренции на рынках, куда будут

приходить товары из интенсивно модернизирующихся стран, для нашей страны будет сжиматься и ниша на «нетребовательных» рынках.

Третье. Демография: трудовых ресурсов в экономике, даже с учетом проводимой пенсионной реформы, сколько-нибудь больше чем есть, не будет (даже в лучшем случае; отметим, что пока, по отчетным данным, демографическое развитие идет заметно ниже демографического прогноза Росстата 2020 г., см. Рисунок 1). Новым фактором, обуславливающим дополнительную пенсионную и медицинскую нагрузку на экономику, в перспективе становится постарение населения.

Отсюда – императив для России политики активного стимулирования создания семей и рождаемости.

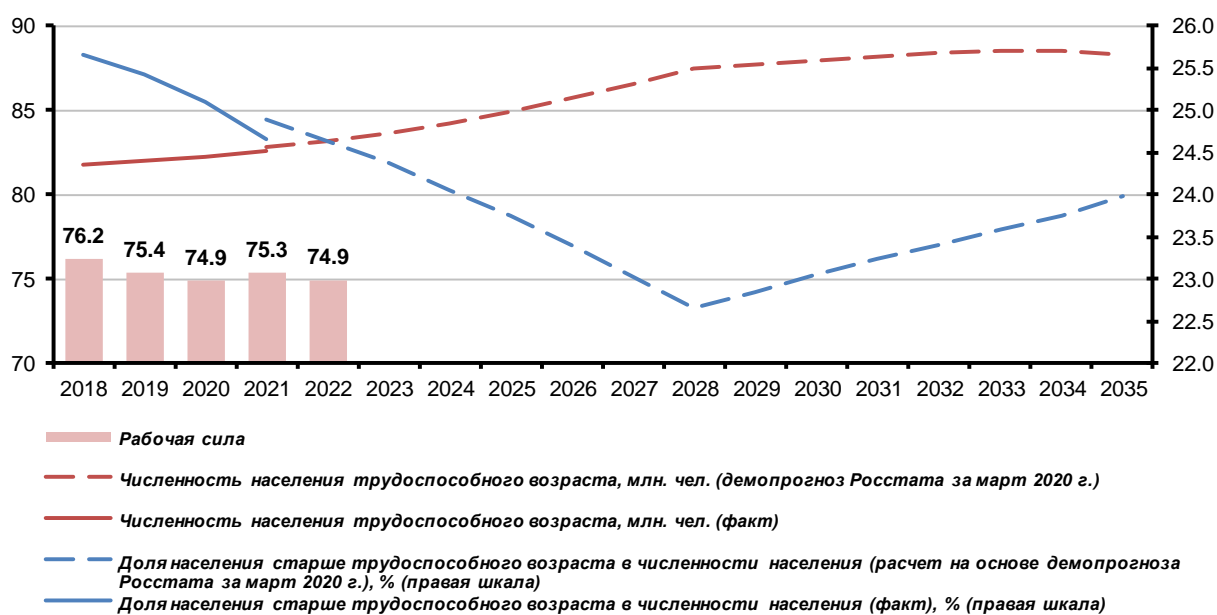

Рисунок 1. Трудовые ресурсы и доля пожилого населения в среднем за год³

Четвертое. Углеродной ренты, по большому счету, тоже больше не будет.

Уже сейчас российская экономика не может быть отнесена к числу классических «углеродных держав», таких как ОАЭ, Саудовская Аравия или Казахстан (см. рисунки 2 и 3). Наш уровень поступлений от экспорта

³ Без учета итогов Всероссийской переписи населения 2020 г. и статистической информации по Донецкой Народной Республике, Луганской Народной Республике, Запорожской и Херсонской областям

нефти на душу населения, даже до начала «коронавирусного кризиса»⁴, скорее соответствовал странам с развитой обрабатывающей промышленностью, при этом добывающих собственные углеводороды (США, Канада), чем классическим «нефтяным странам»⁵.

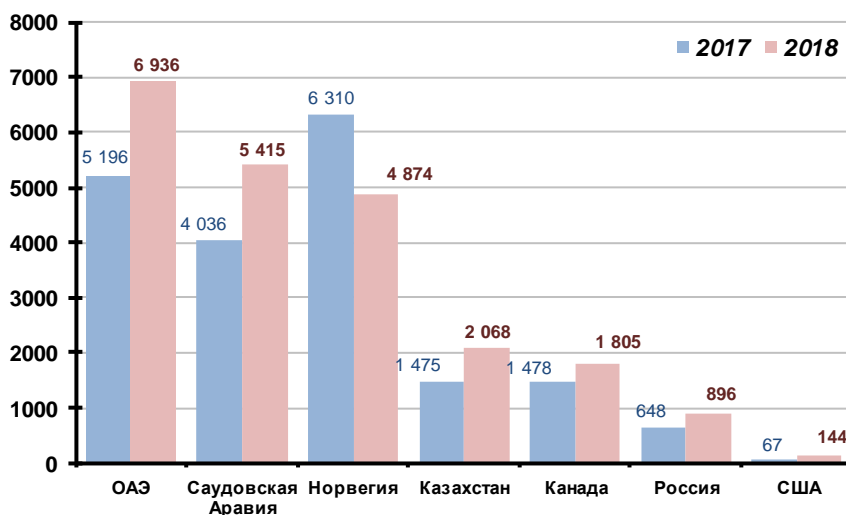

Рисунок 2. Экспорт сырой нефти по странам (долл. США на 1 чел.)

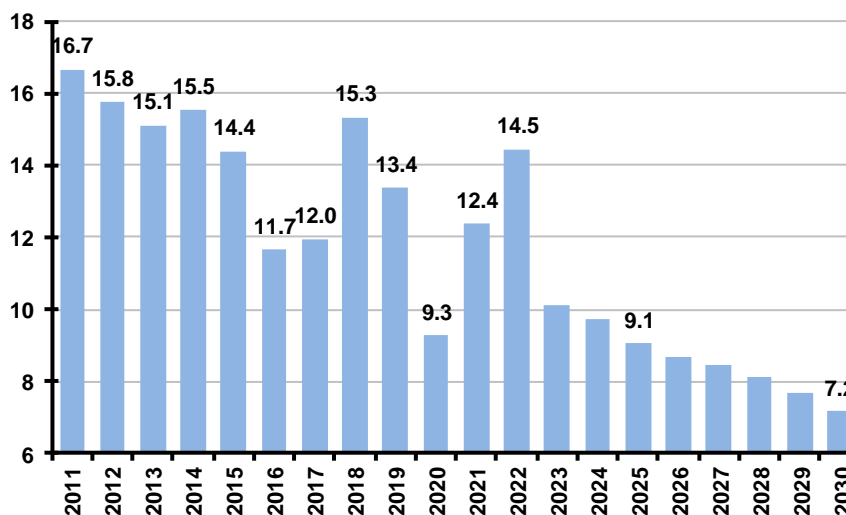

Рисунок 3. Экспорт нефти, газа, нефтепродуктов в текущих ценах (% к ВВП)

⁴ Начиная с 2020 г. говорить о сколько-нибудь нормальном функционировании рынков углеводородов просто нельзя.

⁵ Отметим, что речь идет о выручке от экспорта; поскольку уровень затрат на добычу, первичную переработку и транспортировку нефти с месторождений в глубине страны у нас значительно выше, чем в государствах Персидского залива, с душевым доходом (за вычетом затрат) у нас еще намного хуже, чем в «нефтяных монархиях»

В дальнейшем ситуация разве что ухудшится. Нам предстоит конкурировать на «стоящих» (или сжимающихся) энергетических рынках в условиях экологической и технологической гонки – причем со странами, изначально находящимися в более благоприятных условиях. Энергосырьевой сектор не будет точкой масштабного извлечения ренты; с учетом прогноза мирового спроса, доля поступлений от экспорта углеводородов уже к 2030 г. упадет до 7% ВВП – вдвое меньше привычного уровня.

Надо отметить, что углеродные ограничения / ESG-стандарты в дружественных странах даже выше, чем в ЕС.

Так, в энергетике Китая – «тройной переход»:

- с завозного угля - на уголь местной добычи (ради энергетической безопасности);
- с угля - на газ, в интересах улучшения экологической ситуации в городах;
- с углеводородов - на возобновляемые источники энергии и атом. Китай – крупнейший в мире производитель солнечных батарей и крупный участник рынка атомной энергетики. Требования по ESG для компаний, выходящих со своими акциями на гонконгскую биржу *выше*, чем в Лондоне.

2. Зачем рост?

Новые условия функционирования экономики и общества России вновь ставят на повестку в общественной дискуссии вопрос – а нужен ли нам рост, или «стабильность важнее»?

Представляется, что вывод о необходимости роста – причем довольно интенсивного, с долгосрочным темпом не менее 3-3.5% в год, сделанный еще перед нынешним кризисом⁶, стал только более актуальным. Необходимость решения как «старых» (возврат «социального долга» - ликвидация массовой бедности и избыточной социальной дифференциации, модернизация социальных институтов и инфраструктуры), так и новых задач, связанных с обеспечением обороны и безопасности, восстановлением «новых регионов» и т.д. – настоятельно требует расширения ресурсов экономики.

⁶ См. Тринадцать этюдов от стратегии, http://www.forecast.ru/ARCHIVE/Mon_13/2021/TTE.pdf

К этому добавляется новый фактор – «Фактор Украины». Если после СВО она сохранится в зоне политического и экономического влияния недружественной России коалиции, нам, возможно, придется столкнуться с политически враждебным государством, принимающим на дешевом, но «индустриальном» по социокультурным и квалификационным параметрам труде и высоком природно-ресурсном потенциале⁷ технологии и капитал, выводимый европейцами и США из Китая и России. Соответственно, в этом варианте Украина, оставаясь безусловно враждебной России, поверхностно европеизируется (аналогично Польше и Хорватии) и становится не просто т.н. «Анти-Россией», но альтернативным нашей стране социально-политическим проектом. И нам, соответственно, надо выстроить собственную модель – более конкурентоспособную и динамично развивающуюся.

Еще один аспект – наша новая стратегическая позиция в мире, лидера «развивающихся» обществ и экономик. Таким образом, возникает «окно возможностей, связанное с экспортом «промежуточных решений», более технологически простых, чем в европейских странах, выстраивание на этой базе «экономики суверенитета» в части энергетики, продовольствия, машиностроения, ИКТ. Отсюда же, по всей видимости - акцент на «развивающее импортозамещение» (термин А.А. Широва, ИНП РАН), позволяющее освоить качественно новые для нашей страны продукты и технологии (хорошие примеры – электромобили и поршневые двигатели для «средних» БПЛА), в том числе в рамках кооперации с новыми партнерами

3. Противоречия перспективного периода

Анализируя перспективы трансформации российской экономики, можно охарактеризовать несколько ключевых противоречий, которые во многом определяют повестку на ближайшие двадцать-двадцать пять лет.

⁷ Естественное плодородие черноземных почв, соляный потенциал «новой энергетики», запасы ряда видов ценных в новых условиях полезных ископаемых, включая уран

1) **Труд.** Россия - одновременно и трудоизбыточная страна, характеризующаяся высокой скрытой безработицей в «старопромышленных» отраслях, сельском хозяйстве, строительстве, ряде секторов сферы услуг⁸ – и крайне трудодефицитная. Рабочих и инженерно-технического персонала не хватает (и здесь есть консенсус и опросов предпринимателей, и оценок аналитиков) ни для запуска новых промышленных проектов, ни для расширения существующих.

При этом, *«сложился замкнутый круг: избыточная занятость на предприятиях из-за социальных рисков – низкие зарплаты (чтобы удержать рост издержек) – бедность и недопотребление – боязнь сокращения занятых. В итоге, труд в индустриальных отраслях слишком дешев, чтобы замещаться роботами, соответственно, и относительно низко производителен. Особенно заметным это становится, если сравнить со странами, интенсивно использующими роботы. Так в России в 2020 г. на 10 тыс. занятых в промышленности было 5 роботов, в то время как в среднем в мире этот показатель составлял 126 роботов»*⁹.

Отсюда – именно поиск способа аккуратной «разборки» этого противоречия во-многом видимо определит и характер проводимой экономической политики, и ее результат.

2) **Неравенство.** Уже уровень социального неравенства весьма высок, а структурные изменения всегда его усиливают (хороший пример – становление отрасли ИКТ в 1990-2010е годы с ее сверхвысокими зарплатами). Отсюда - риски институционализации неравенства, через неравный доступ к институтам и инфраструктурам образования, здравоохранения (особенно качественного /превентивного), современным культурным практикам.

С учетом ограниченности ресурсов для «фронтального» повышения уровня жизни населения и сглаживания возникших диспропорций

⁸ Это проявляется в очень низкой производительности труда (примерно на четверть ниже уровня центрально-европейских стран, типа Чехии или Польши)

⁹ Цит. по «Тринадцать этюдов от стратегии» http://www.forecast.ru/_ARCHIVE/Mon_13/2021/TTE.pdf

понадобится, видимо, существенно большая, чем теперь, система «нефинансового» выравнивания – через равенство доступа к социальным услугам, в том числе, через цифровые инфраструктуры (включая возможности дополнительного образования¹⁰ и проверки здоровья). В более широком плане – переход от идеи максимального равенства доходов (в любом случае, и не достигнутому, и не достижимому в принципе) к максимальному равенству возможностей для человеческого развития.

3) *«Технологический суверенитет» vs. «активное влияние через кооперацию»*. С одной стороны, опыт последних лет наглядно показал, что технологический суверенитет – хотя бы по отношению ко критически важным отраслям и продуктам – действительно, является основой самостоятельности и безопасности страны, тем более в условиях нарастания международной конфликтности. С другой стороны, этот же кризис показывает ценность зависимости (прежде всего, не враждебных России стран) от нашей страны в поставках критически важных ресурсов (хороший пример – энергоносители для Китая). Это, в свою очередь, предполагает максимально активную внешнеторговую / кооперационную политику – в том числе, ради «привязывания» к России важнейших стран и их элит.

В любом случае, императивом становится обеспечение – даже в новых, предельно непростых условиях – максимально возможной дифференциации внешнеэкономических и кооперационных связей. Риска «удушения в объятиях», подчинения развития нашей страны приоритетам и логике развития «главного партнера» необходимо, разумеется, избежать.

4) *Хозяйство vs экономика*. Важной особенностью ближайших 10-15 лет является взаимопроникновение двух логик функционирования российской экономики: «хозяйственной» (необходимость наличия тех или иных ключевых компетенций и инфраструктур, причем почти «любой ценой», например, функционирующей гражданской авиации, сельского

¹⁰ Отметим, что всплеск интереса населения (особенно молодежи) к научно-популярному и образовательному контенту (в том числе, на платформе Youtube) является одним из безусловно положительных социальных результатов, достигнутых в последние 15-20 лет

хозяйства, медицины) – и собственно «экономической», выстроенной вокруг идеи эффективности. Проблема в том, что обе логики являются вполне правомерными – и каждая из них, в условиях отсутствия масштабного притока сырьевой ренты, может реализовываться лишь с элементами другой; так, поддержание функционирования инфраструктуры требует эффективности соответствующих компаний, но и создание высокотехнологичной продукции предполагает ее использование, в том числе и в общественных / оборонных целях. Управление таким балансом приоритетов – дело весьма сложное, хотя до известной степени, и отработано на уровне госкорпораций.

5) *Институты, как переходная форма.* Переход от преодоления санкционного кризиса¹¹ к посткризисному росту требует специфической компетенции: создания и демонтажа т.н. «промежуточных институтов»¹², позволяющих в среднесрочной перспективе обеспечить стимулы модернизации российской экономики, но впоследствии превращающиеся в сдерживающие факторы и требующие демонтажа.

К их числу относятся, например:

- элементы планирования (в том числе, в «юбке кооперации» технологических и инфраструктурных госкомпаний) и ручного управления формированием кооперационных и логистических цепочек, позволяющие эффективно адаптироваться к условиям кризиса сейчас и в ближайшие пять-восемь лет, но делающие экономику недостаточно гибкой и адаптивной впоследствии;

- формирование «сред доверия» между участниками СВО. Доверие, возникшее при совместном преодолении смертельной опасности (тем более, в условиях военных действий, что предполагает общие ценности), является важнейшим ресурсом для сетевой коммуникации, снижающей риски при

¹¹ Тем более, с учетом необходимости модернизации оборонного комплекса и смежных производств

¹² Термин д.э.н. А.А. Аузана

построении бизнесов, госуправлении и т.д.¹³ Однако, по опыту арабских стран, закрепление такой модели в следующих поколениях может стать коррупционным фактором, сдерживающим возможности социальной мобильности для других членов общества;

- централизация на федеральном уровне ресурсов, мандатов и дефицита бюджетной системы (см. Тезис 5).

б) Противоречие: институциональный порядок, усиление планового начала vs. свободное, максимально разгруженное от избыточного определения и ограничений, буквально «ризоматическое»¹⁴ развитие частного инновационного бизнеса. Второе – жизненно необходимо и для сохранения его динамики – и для снятия с «окологосударства» избыточных рисков, связанных с инновациями и формированием новых кооперационных сетей.

4. Приоритетные проекты в новой ситуации

Разумеется, задавать приоритеты развития сейчас – совершенно бессмысленно. Но девять ключевых проектов, в целом, видны уже сейчас и доступны к конспективному изложению. Они тесно взаимосвязаны, но раскладываются по нескольким «пакетам».

Технологический пакет

1) Искусственный интеллект всего, как технологическая база и новый стандарт де-факто даже для среднетехнологических производств. Квантовые вычисления, квантовая криптография, фотоника (есть заметные заделы – в отличие от «микроэлектронной» волны, пропущенной Россией в ходе структурного кризиса в конце 1980х – второй половине 2010х гг.).

¹³ Яркие примеры – подъём в Иране после ирано-иракской войны на базе доверия между членами добровольных формирований - ополчения «басидж» и Корпуса стражей исламской революции, а также роль военного опыта в Израиле

¹⁴ Ризома (фр. rhizome «корневище») — понятие философии постструктурализма и постмодернизма. Ризома должна противостоять неизменным линейным структурам (как бытия, так и мышления). В данном случае речь идет о полностью свободном развитии высокорискованного, «быстрого», инновационного бизнеса – развития, происходящего «потому что» такова обстановка здесь и сейчас, а не «в соответствии с планом» каких-либо отчуждающих субъектов.

2) Роботизация и беспилотники. Необходимо отметить, что высокие технологии экономят не только труд, что особенно важно для России, при условии «разблокирования» социальных ограничений (см. ниже), но и капитал - за счет интенсивного использования беспилотной техники (так, ряд типов БПЛА способны находиться в полете до полутора суток уже сейчас, и эта продолжительность будет лишь расти).

3) Послойная технологическая модернизация экономики¹⁵, «сшивающая» в единой логике фундаментальную науку, прикладную науку и науку ГНЦ, технологическое развитие массовых отраслей и создание качественно новых для России отраслей и производств («машинное зрение», киберассистенты, беспилотники и т.д.). Ключевым здесь является технологический трансферт из ГНЦ и «новых технологических компаний» в традиционные отрасли, их облагораживание, создание условий для роста производительности, а также создание новых отраслей и производств, масштабирующее технологические инновации.

Социальный пакет

4) Создание, в том числе, на цифровой основе, системы непрерывного образования и переподготовки работающих кадров, особенно на трудоизбыточных производствах и территориях.

5) Комплексное освоение территорий, включающее развитие производств, строительство и модернизацию жилья, стимулирование создания новых бизнесов в «пространствах освоения». Реабилитация на этой основе «новых территорий» и «русской России», развитие Сибири и Дальнего Востока в рамках «поворота на Восток». Похоже, что именно в модернизации городских и сельских социальных и культурных сред проживания и работы людей – один из ответов на вопрос о способах мотивации сложного труда в новых условиях.

¹⁵ См. «Как найти науке место в экономике?» из прошлого выпуска Тринадцати тезисов http://www.forecast.ru/ARCHIVE/Mon_13/2022/fall/TTF3.pdf

Инфраструктурный пакет

б) Поддержка экспорта на новые рынки и кооперации с новыми партнерами; выращивание на таких рынках новых «Национальных чемпионов» (прежде всего, на отраслевых рынках, включая ИКТ).

7) Развитие новых инфраструктур, на базе сочетания транспортной и цифровой инфраструктур (ср. – создание систем квантовой связи, курируемое ОАО РЖД).

8) Редизайн финансовой системы

«Вдолгую» модернизация финансовой системы имеет три аспекта:

- её «инжиниринг»: разработка способов расшивки "узких мест", препятствующих трансформации капиталов по срокам и эффективному управлению рисками;

- институциональные изменения (в части институтов наследования, корпоративного управления, работа с социокультурными "архетипами" и др.), обеспечивающие формирование долгосрочных мотиваций у собственников компаний;

- выработка у бизнеса во взаимодействии с государством системных представлений о "точках" роста

Более конкретно, в аспекте «реинженеринга», речь может идти о следующем.

Для трансформации ресурсов множества мелких частных инвесторов, готовых вкладываться в рискованные инструменты только на короткие сроки, в долгосрочные вложения с высоким уровнем риска (и высоким потенциальным выигрышем) может быть внедрен институт **«системообразующих» крупных фондов прямых инвестиций**, создаваемых крупнейшими корпоративными стратегическими инвесторами.

Для удовлетворения потребности в долгосрочном финансировании компаний с низким уровнем инвестиционных рисков целесообразно развитие (при помощи института крупных банков-маркетмейкеров) **емкого и ликвидного внутреннего рынка синдицированного кредитования**. Отлаживание и функционирование такого рынка обусловит снижение ставок по долгосрочным кредитам таким компаниям до уровня ставок по облигациям и, таким образом, обеспечит им приемлемый уровень долговой нагрузки.

Для удовлетворения потребности компаний и проектов с низким уровнем инвестиционных рисков, высокой общественной отдачей, но с длительными сроками окупаемости (в т. ч. в инфраструктурных отраслях) целесообразно проводить эмиссию **долгосрочных корпоративных облигаций** с одновременным выставлением

государственными **институтами развития публичных оферт** на выкуп таких облигаций в определенные периоды по фиксированной цене

Для компенсации возросших хозяйственных и финансовых рисков императивом является **ускоренное** развитие национальных **страховых институтов**

Структурный пакет

9) Поддержка малого и среднего бизнеса, стимулирование кооперации малого бизнеса с крупными компаниями, облегчение доступа малых и средних компаний к государственному спросу (включая гособоронзаказ), технологическим и финансовым ресурсам.

10) Стимулирование инвестиций и синергии бизнеса и государства. Поддержка совместного управления инфраструктурными и технологическими проектами (включая создание совместных Дирекций программ), выпуск соответствующих проектных облигаций с контролем их эффективности.

5. Экономика «трех циркуляций», как стратегический вызов

Сама логика нашего развития выталкивает нас в своеобразный аналог китайской «экономики двух [внешней/экспортной и внутренней] циркуляций» - в систему воспроизводства, включающую три контура воспроизводства: экспортный, государственный, внутренний бизнесовый.

Особенность ситуации в том, что мы можем либо создать новый социальный двигатель, где разные контуры поддерживают и воспроизводят друг друга, либо напротив, разорвать единое социальное и экономическое пространство страны:

- экспортный контур. Зарабатывает дефицитный ресурс - валюту, покупает импортное оборудование. Создает систему новых кооперационных связей. Опирается, в силу высокой остроты конкуренции, тем более в новых условиях, на наиболее качественный, воспроизводящийся на «лучших имеющихся ресурсах», кадровый потенциал;

- государственный контур. Работает над задачами очень широко понимаемой безопасности/стабильности (оборонной, продовольственной, социальной, технологической и т.д.); активно применяет методы планирования той или иной степени жесткости. Получает качественные ресурсы «под план» и по плановым ценам, включая импорт необходимого высокотехнологичного уникального оборудования, компонентов, сырья и т.д. Имеет отчасти обособленную систему воспроизводства кадров (и, видимо, «свою» подсистему здравоохранения);

- внутренне-ориентированный бизнесовый контур. Несет на себе инновационные риски, как в технологическом, так и в других отношениях, включая выстраивание новых бизнесов и систем кооперации. Создает рабочие места, является доходной базой субъектов Российской Федерации.

Казалось бы, это – почти идеальная конструкция, уравнивающая функции и ресурсы отдельных секторов. Но, как и любой вызов, окну возможностей здесь соответствует системный риск.

Этот риск имеет тройкий характер:

Во-первых, традиционная для ситуации планирования искусственная «приоритизация» при субсидировании импорта и т.п. и концентрация ресурсов.

- есть риск закрепления устаревших приоритетов («планирование от достигнутого»; «занос» интеллектуальной моды»). Пример – Стратегия НТР, когда новые научные направления возникали быстрее, чем изменялся документ;

- подрывается мотивация частного бизнеса к принятию на себя рисков – приоритеты «назначены» заранее и премии определены административно.

.... причем неверный выбор приоритетов не наказывается, особенно для предложивших их экспертов. Тому есть масса примеров, от «кукурузной революции 1960х до недавней оптимизации здравоохранения. При этом, у нас (в отличие от ЕС с их «углеводородной революцией») нет практической возможности «по большому счету» обратиться к ресурсам глобального рынка: разрыв в производственных цепочках из-за ошибки в планировании закрыть будет очень трудно.

Во-вторых, возникновение / усиление институционального разрыва между отмеченными секторами, их «перетягивание одеяла на себя».

В-третьих, «паразитарная интеграция» бизнеса с регулируемыми компаниями (как собственно получилось и при НЭПе 1920-х, и при Перестройке 1980-х), когда кооперация бизнес-структур с контролируемым государством компаниями ведет к перераспределению ресурсов (сырья и материалов, приобретаемых по льготным/плановым ценам, валюты, поступающей по специальному курсу и т.д.) от «государственных» компаний к аффилированным с менеджерами последних частным.

Ситуация усугубляется формированием значительного «навеса» капиталов, связанных с «серым» экспортом¹⁶ / параллельным импортом. Новой проблемой может стать проблема накопления российских долгов в дружественных странах в случае перехода к «парным» взаиморасчетам и несбалансированности торговли.

Отсюда – риск «новой приватизации» под новые капиталы и ослабления институционального режима: мультиинституциональность, многоукладность, риск разрастания «серой юстиции»

Материал подготовили:

Д.Р. Белоусов

О. Г. Солнцев (врезка на с. 14-15)

¹⁶ Как отмечалось в [Тезисе 1](#), под прямым и косвенным контролем российских компаний остается порядка 3-4 долл. с каждого барреля экспортированной нефти